

РОССИЙСКАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ В ФИЛОСОФИИ

DOI: 10.22363/2224-7580-2021-1-100-108

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ О НАЦИОНАЛЬНОМ МЕНТАЛИТЕТЕ

Е.М. Амелина¹, О.Ю. Ролдугина²

¹ Государственный университет управления

Российская Федерация, 109542, Москва, Рязанский проспект, 99

² Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова

Российская Федерация, 117997, Москва, Стремянный переулок, 36

Московский государственный университет геодезии и картографии

Российская Федерация, 105064, Москва, Гороховский переулок, 4

Аннотация. В статье рассматриваются взгляды классиков отечественной философской мысли (В.С. Соловьева, С.Н. Булгакова, И.А. Ильина и Н.А. Бердяева) на сущность национального менталитета. Раскрывается данная мыслителями трактовка национализма и космополитизма. Подробно рассмотрено их понимание сущности русского национального менталитета, его достоинств и недостатков.

Ключевые слова: менталитет, самосознание, национализм, космополитизм, софийность.

Актуальность изучения национального менталитета связана с противоречивым характером и последствиями глобализации, что проявляется, с одной стороны, в исчезновении этнокультурного многообразия мира, его «европеизации» и «американизации», а с другой стороны, – в усилении стремления народов сохранить свою духовную и культурную идентичность. Особую актуальность данная тема имеет для современной России, в которой ослаблена связь между поколениями, отсутствует культурный иммунитет, постепенно утрачивают свое значение некогда скрепляющие российский народ в единое целое духовные и нравственные ценности и идеалы. Данная ситуация порождает потребность выработать эффективные мировоззренческие стратегии укрепления национальной идентичности, государственной целостности при сохранении межнациональной солидарности. В этой связи обращение к отечественной философии, чьи представители выдвигали систему идей и

ценностей, нацеленных на сохранение культурного своеобразия народов, на идеалы соборного единства, патриотизма и взаимопомощи, является весьма своевременным.

Цель данной статьи заключается в том, чтобы выяснить, как понимали сущность национального менталитета такие представители русской социально-философской мысли, как В.С. Соловьев, С.Н. Булгаков, И.А. Ильин и Н.А. Бердяев. Наше исследование предполагает ответы также на следующие вопросы:

Какую роль в историческом процессе они отводили национальности?

Как трактовал каждый из указанных мыслителей сущность национального менталитета?

Как, по их мнению, следует понимать сущность национализма и космополитизма?

В чем особенности русского национального менталитета?

Каковы его сильные и слабые стороны?

Что способствует формированию его здоровой идентичности?

Какие установки отечественных мыслителей могут быть востребованы в условиях многополярного мира?

Существенную значимость для исследования имеют теоретические положения современной социальной философии, согласно которым общество должно изучаться как целостность, взятая в своей общеисторической эволюции, а духовная сфера является важнейшим и активным фактором его развития. В статье используются также метод рациональной реконструкции, ориентация на многосторонний подход к проблеме и инструментарий диалектической традиции.

Социальные взгляды исследуемых нами мыслителей – В.С. Соловьева, С.Н. Булгакова, И.А. Ильина и Н.А. Бердяева – принадлежат к русской религиозной философии, представители которой рассматривали человечество как конкретное единство различных народов, каждый из которых имеет индивидуальные особенности. Являясь членами единого человеческого организма, принимая участие в единой истории человечества, народы остаются при этом самостоятельными и самоценными историческими и нравственными личностями. Каждая нация, указывал, В.С. Соловьев (1847–1900), как существо моральное, «не может жить в себе, через себя и для себя». Она призвана выполнить в мире только ей определенное Богом христианское предназначение, ведь «идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности» [1]. Философ считал, что формирование национального самосознания есть великий успех в истории человечества, означающий появление новой индивидуальности, нового исторического субъекта.

Сходные мысли высказывал и С.Н. Булгаков (1871–1944), для которого, как и для В.С. Соловьева, смысл исторического развития заключался в достижении соборного единства человечества в Боге, а смысл бытия национальности – в ее идеальной христианской миссии. Трактую нацию как личность, как «умную сущность», у которой есть свой ангел в горнем мире, философ

указывал одновременно и на то, что национальный менталитет должен быть понят как неповторимое психологическое и духовное переживание жизни. Различие менталитетов выражается в степени проявления национальностью своей творческой сущности или «софийности».

Большую роль в формировании национального менталитета мыслитель отводил государству, в котором национальность «имеет свой собственный дом». Поскольку история человечества представляет собой борьбу национальностей, постольку, указывал философ, ценна роль здорового национально-государственного организма с развитой экономикой и хозяйством. Он является той силой, которая дает национальности возможность выразить своё самосознание в истории.

И.А. Ильин (1883-1954), видевший смысл истории в раскрытии религиозного содержания жизни общества и культуры, связывал менталитет того или иного народа с его индивидуальным «духовным ядром», с присущим ему духовным началом жизни. С его точки зрения, за непрекращающимся внешним противостоянием народов скрывается различие именно этих неповторимых духовных начал. Поэтому один народ стремится навязать свои начала другому. Менталитет народа питается от его внутреннего духовного ядра, которое является результатом развития национальной культуры и итогом пройденной исторической судьбы. Ради полного развития своих духовных начал, считает философ, «народы живут из века в век, в работах и страданиях, падениях и подъемах, то паря к небу, то влачась долу, – вынашивая своеобразную молитву труда и созерцания на поучение другим народам» [2. С. 186]. Роль культурных ценностей, заключенных в менталитете народа, с точки зрения И.А. Ильина, настолько велика, что способна решающим образом определять внешние формы его жизни. Если европейские народы наиболее полно реализуют себя в католичестве, республике и демократии, то русский народ раскрывает себя в православной вере, самодержавии и общинном укладе жизни.

Для Н.А. Бердяева (1874–1948) бытие национальности в истории представляет собой великую конкретно-историческую ценность, которую, «как и всякую ценность в истории, приходится утверждать жертвенно» [3. С. 73]. Национальность, по его мнению, имеет свое динамическое задание в истории и представляет собой индивидуальное бытие, «заложное в самих глубинах жизни» и вне которого невозможно существование человечества. Размышляя над природой национального сознания и самосознания, философ приходил к выводу о том, что их сущность не может быть полностью и до конца выявлена никакими рационально уловимыми признаками, психологическими или социологическими определениями. С его точки зрения, национальное самосознание, выросшее из сознания единства исторической судьбы народа, должно быть понято как иррациональная тайна: в нём одновременно пребывает дух прошлых и нынешних поколений.

Мыслители выделяли две отрицательные крайности, препятствующие выражению здорового национального менталитета и уродующие его, – национализм и космополитизм. Так, В.С. Соловьев критиковал националистическую

политику современных ему народов-колонизаторов (Англии, Германии), которые, по его мнению, выступали душителями неповторимых национальных индивидуальностей и были не способны к христианскому универсалистскому призванию. «Англичанин, – пишет он, – является перед своими жертвами как пират; немец – как педагог, воспитывающий их для высшего образования... Один грабит и давит народы, другой уничтожает в них саму народность» [4. С. 61]. Немецкий принцип «высшего культурного призвания» в политике В.С. Соловьев считал глубоко порочным, о чём свидетельствуют печальные тени обескровленных народов, подвергнутых рабству и утративших свои жизненные силы.

По мнению С.Н. Булгакова, национализм и космополитизм представляют собой две крайности. В национализме национальному началу придается самодовлеющее и автономное бытие. Именно поэтому он часто вырождается в идолопоклонство. Национализм есть примат плоти над духом, своего рода обожествление кровно-телесной общности. Только господство духа, аскетическое христианское самовоспитание народов, их волевой порыв могут стимулировать становление здорового самосознания и гармонических здоровых межнациональных отношений. Сопутствующая национализму ориентация исключительно на материальное обогащение народа способна привести его к духовному оупению и вырождению, неведомому во времена бедности.

Космополитизм, считал С.Н. Булгаков, представляет собой другую крайность. Он приводит к утрате национального своеобразия, обезличивает и нивелирует человека. Обозначая данное явление как «безнародность», мыслитель определял его как разновидность «онтологического уродства» и извращения национального чувства, так как для человека естественно любить свою родину, свои традиции, своих отцов и матерей.

Рассуждая о космополитизме как процессе денационализации, другой русский философ И.А. Ильин указывал, что, если принадлежность к народу и нации, приобщение к духовному опыту предков дает дополнительные источники творческого развития личности, то человек, отказавшийся от своего народа, есть «духовная сирота». Утрата национальной почвы приводит его к духовной, творческой и социальной несостоятельности. Попытка стереть национальный лик человека трагична, она создает бездуховный тип «международного беспочвенника», который забыл свой язык и культуру. Превратившись в «гражданина мира» или «классового товарища», такой человек лишает свою культурную деятельность исторической конкретности и деградирует к бессодержательной формальности. Философ критиковал «больной национализм» как манию величия и стремление возвыситься над другими народами. Националист, который любит свою нацию настолько, что ненавидит другие, подобен, по его мнению, человеку, который, предпочитая одни цветы, осуждает все остальные, или человеку, который «из любви к своей матери ненавидит и презирает всех других матерей» [5. С. 367].

Сходную интерпретацию национализма давал Н.А. Бердяев. Указывая, что национализм представляет собой ценность в качестве творческого развития национального бытия, он подчеркивал, что, доходя до негативизма по

отношению к другим национальностям и утверждаясь эгоистически, он вырождается. Опускаясь до «элементарно-биологической почвы», национализм лишает национальность творческого духа [3. С. 151]. Н.А. Бердяев критиковал также и космополитизм, как уродливую мечту, «подменяющую конкретное живое человечество отвлеченной утопией» [3. С. 137]. Именно эту подмену он видел в большевистском интернационализме. Этот интернационализм, отрицающий национальное самосознание и национальное бытие, философ трактовал как разновидность убийства живого органического существа. Его идейная направленность предстает, с точки зрения философа, как религия истребления, несущая весть о смерти. Марксистский интернационализм характеризовался философом как «отвлеченная бедность», которая «не является конкретным единством человечества, а заключает абстрактное единство, отрицающее национальные индивидуальности» [6. С. 344]. Поэтому духовную сущность Третьего Интернационала философ объяснял как искажение национального менталитета, как отрицание самостоятельной ценности и достоинства национальной индивидуальности, её духовной свободы. Диалектику национального и универсального философ видел в том, чтобы национальность «творческими усилиями раскрывала в себе вселенское, не обезличивая своего индивидуально-неповторимого образа» [3. С. 151].

Переходя к вопросу об особенностях русского национального менталитета, следует отметить, что мыслители вычленяли в нем разнообразные характеристики. Они выделяли общее, указывали на особенное, а также останавливались на сильных и слабых его сторонах. Большинство из них, пережив революцию, уделяли особое внимание катастрофе денационализации, изменившей национальное лицо России.

Для В.С. Соловьева, как и Ф.М. Достоевского, живших в XIX в., особенности русского национального менталитета, связывались со всемирной отзывчивостью и способностью к христианскому самопожертвованию во имя общечеловеческих целей. Соловьев указывал, что всякая национальность в похвале своему народу выражает свой идеал, и если англичанин восхищается «старой Англией», француз «прекрасной Францией», то русский говорит о «Святой Руси», ибо русское самосознание жаждет христианского объединения всех наций на Земле как восстановления образа божественной Троицы.

С.Н. Булгаков, большую часть живший в XX в., рассматривал русский менталитет как находящийся в изменении, в движении, в духовных взлетах и в падениях. Он расценивал русское самосознание как колеблющееся, не окончательно ставшее и менее устойчивое по отношению к самосознанию более зрелых европейских народов. Философ акцентировал в этой связи то обстоятельство, что русский менталитет требует работы над собой: воспитания и в личностном (развитие индивидуальности), и в социально-хозяйственном плане (противостояние духу «бентамизма»). Философ критиковал мечтательность и созерцательность русского духа, который грезит об идеале, находясь вдали от работы по его осуществлению. Размышляя над особенностями русского менталитета, он отмечал, что «русский гений и русская муза, в отличие от немецкого, относятся не к области характера и воли, но к области

вдохновения и духовного рождения» [7]. Если немец «всечеловек» прежде всего умом, то русский – сердцем. Источник национального самосознания русского человека следует искать, по его мнению, в идеальном облике евангелиста Иоанна.

Период господства большевистских идей в стране С.Н. Булгаков оценивал как утрату национальным самосознанием своего софийного, женственного естества. Большевизм трактовался им как навязанное, антихристианское, волевое, насильственное пленение русского духа. Во время Второй мировой войны философ видел в России ось, или «энтелехию мировой истории», и был убежден, что от её противостояния с Германией зависит решение мистической тайны истории и христианские судьбы мира. Он надеялся на то, что со временем духовное развитие русского народа преодолет большевизм и явит миру творческий лик русского православия с его идеалом единства всех наций в абсолютном добре.

По мнению И.А. Ильина, русский менталитет обладает яркой и неповторимой самобытностью, связанной с особым складом русско-славянской души, несущей неизгладимую печать православия. Эта православная составляющая и обусловила то обстоятельство, что главные ценности русской души связаны с состраданием, милосердием, жертвенностью. Сердечное начало русского народа проявилось, с точки зрения философа, во всех видах его творчества – в народном искусстве, в великой русской художественной литературе, в русской философии, в религиозных традициях и нравственном укладе жизни. И.А. Ильин был убежден, что особенности политико-правового устройства, хозяйственной жизни и социальных отношений, присущие дореволюционной России, вполне отражали специфику её национальной культуры и национального самосознания.

Указывая, что крайности национализма не свойственны русскому менталитету, философ констатировал, что для него свойствен противоположный грех, выражающийся в добровольном отказе от своих национальных начал и духовных корней. Этот отказ сопровождается уходом от своих форм общественной жизни и принятием чужих в угоду сиюминутным политическим выгодам и интересам. Трагедия национального обезличивания, считал И.А. Ильин, произошла с русским народом в условиях революции, когда он пережил величайшее «государственно-политическое и национально-духовное крушение» [8. С. 24]. Революционеры стремились растоптать в русском народе его «национальный лик». Любовь к православию, Родине и Отечеству они подменили верностью политическому режиму и вождям.

Мыслитель был убежден в необходимости возрождения подлинного русского самосознания. Русский народ, по его мнению, должен «блюсти свою духовную природу, не соблазняться чужими укладами, не искажать своего духовного лица искусственно пересаживаемыми чертами и творить свою жизнь и культуру... по-своему: русское по-русски» [8. С. 134]. Попранное национальное самосознание требует защиты и целенаправленного возрождения. Вся система патриотического воспитания в России, указывал мыслитель, должна быть направлена на борьбу с национальным обезличиванием

подрастающего поколения. Она должна приобщать их к очагам и сокровищам национальной культуры, родному языку, православной молитве, русской песне, русской сказке, русской поэзии и т.д.

Н.А. Бердяев констатировал изначальную противоречивость и раздвоенность русского менталитета. Отсутствие целостности проявляется, по мнению мыслителя, через антиномии: с одной стороны, Россия – страна анархической свободы духа, с другой – самая бюрократическая страна в мире. С одной стороны, Россия – страна бесконечной свободы духовных исканий, страна странничества; с другой – страна неслыханного, сервиллизма, страна «стяжателей и купцов, погруженных в тяжелую плоть». Исток целого ряда подобных антиномий философ находил в не-соединенности мужественного и женственного в русском духе и русском характере. Мужественное, рациональное начало не овладевает женственной национальной стихией в России изнутри. Оно зиждется извне, поэтому исторически мужественное оформляющее начало зачастую было не русским, а иностранным. Спутниками слабости и разорванности национального самосознания являются и «скрытое начало самоистребления», присущее русскому народу и его интеллигенции, нежелание нести свою историческую ношу и выполнить своё христианское призвание в роковую для родины минуту [3. С. 6–7]. Но с этими недостатками соседствуют достоинства.

Сильные стороны русского самосознания Н.А. Бердяев находил в его сверхнациональной направленности, в освободительном характере народного духа. Россия имеет великую миссию. Она призвана быть освободительницей других народов, защитницей слабых. И если европейское самосознание страдает узостью, мещанством (французский дух), замкнутостью и самовлюбленностью (дух германизма), то русскому духу свойственны бытовая свобода и христианский универсализм. Он любит, ценит и признает в мире творческие таланты всех народов, что позволяет ему соединять Восток и Запад. При этом в нём «есть какое-то национальное бескорыстие, жертвенность, неведомая западным народам» [3. С. 20].

Советский период русской истории Н.А. Бердяев понимал как один из модусов существования «России вечной». Он чутко относился к осмыслению тех черт менталитета русского народа, которые сохраняли исконные духовные ценности его духа. К ним он относил возрождение гуманистических идеалов в творчестве советских писателей и неискоренимую тягу русского человека к универсальному гению А.С. Пушкина. Эти черты он трактовал как инобытие глубинных русских начал, как возрождение неискоренимых традиций человечности, свойственных русскому национальному самосознанию. Историческую задачу русского народа философ видел в творческом саморазвитии, в просветлении национального сознания, в обретении собственной воли, энергии, «положительной силы и мощи, чтобы осуществить свою миссию в мире» [3. С. 77].

Итак, отечественные мыслители понимали исторический процесс как достижение соборного единства человечества, призванного стать конкретным историческим единством народов, сохраняющих свои индивидуальные

духовные и культурные особенности. Национальность они трактовали как неотъемлемую часть человечества, как активного исторического субъекта, имеющего и феноменальное, и ноуменальное значение (нация как «умная сущность» со своей сакральной тайной исторической судьбы). Глубинное существо национального менталитета связывалось ими с творческой энергией, направленной на полноту творческого самовыражения. Менталитет трактовался как комплекс представлений национальности о самой себе, как форма её духовного самовыражения в культуре, религии, духовных ценностях, государственной жизни, в установках по отношению к другим национальностям.

Особенности русского национального самосознания философы связывали с идеалами универсализма, патриотизма, взаимопомощи и служения. Его сильные стороны они объясняли духовной открытостью, сердечностью, софийностью, бескорыстием, жертвенностью, освободительной направленностью духа, стремлением к солидарному единству всех народов. Его слабые стороны связывались с незрелостью, раздвоенностью, женственностью, склонностью к подражательности, пассивной мечтательности и даже к скрытому «началу самоистребления».

Угрозы русскому национальному самосознанию мыслители видели не в национализме, а в легкости расставания с коренными традициями, приводящими к гибели главных смыслов бытия нации. Причину слабости русской идентификации они находили в незрелости и подражательности определенного слоя русской интеллигенции, навязывающей народу утопические идеи.

Исторические задачи русского самосознания философы видели в преодолении космополитической безнародности, возрождении своих традиционных ценностей через систему патриотического воспитания и приобщения к идеалам национальной культуры. Эту задачу они объясняли как задачу всемирную и софийную. Миссия России трактовалась как объединяющая и духовно просветляющая, требующая воли, силы и энергии. Теоретические установки русских философов могут быть использованы как инструмент критики национализма, безнародности, а также современных процессов глобализации, легитимирующих насильственное вмешательство наиболее сильных членов мирового сообщества в жизнь народов, не подходящих под предлагаемые им стандарты глобальной цивилизации.

Литература

1. Соловьев В.С. Русская идея. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vehi.net/soloviev/russianidea.html> (дата обращения: 26.06.2020).
2. Ильин И.А. Путь духовного обновления. М.: Институт русской цивилизации, 2011. 1216 с.
3. Бердяев Н.А. Судьба России. М.: АСТ, Астрель, Полиграфиздат, 2010. 333 с.
4. Соловьев В.С. Великий спор и христианская политика // Соловьев В.С. Соч.: в 2 т. М.: Издательство «Правда», 1989. Т. I. С. 59–167.
5. Ильин И.А. Опасности и задания русского национализма I // Ильин И.А. Собр. соч.: в 10 т. М.: Русская книга, 1993. Т. II. Кн. I. С. 366–369.
6. Бердяев Н.А. Царство Духа и Царство Кесаря. М.: Республика, 1995. 383 с.

7. Булгаков С.Н. Расизм и христианство [Электронный ресурс]. URL: /http://www.vehi.net/bulgakov/rasizm/rasizm.html (дата обращения: 15.05.2020).
8. Ильин И.А. О Русской Идее [Электронный ресурс]. URL: http://gosudarstvo.voskres.ru/ilin/ilin5.htm (дата обращения: 26.06.2020).

DOMESTIC PHILOSOPHICAL THOUGHT ABOUT NATIONAL MENTALITY

Е.М. Amelina¹, О.Ю. Roldugin²

*¹ State University of Management
99 Ryazanskiy Prospect, Moscow, 109542, Russian Federation*
*² Plekhanov Russian University of Economics
36 Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russian Federation
Moscow State University of Geodesy and Cartography
4 Gorokhovskiy Lane, Moscow, 105064, Russian Federation*

Abstract. The article examines the views of the classics of Russian philosophical thought (V.S. Solovyev, S.N. Bulgakov, I.A. Ilyin and N.A. Berdyaev) on the essence of the national mentality. The interpretation of nationalism and cosmopolitanism given by thinkers is revealed. Their understanding of the essence of the Russian national mentality, its advantages and disadvantages is considered in detail.

Keywords: mentality, self-awareness, nationalism, cosmopolitanism, sophicity.